

18+

Пробуждение

ОЛИВИИ

ЭЛИЗАБЕТ О'РОАРК

Элизабет О'Роарк
Братья Лэнгстром.
Пробуждение Оливии
Серия «Freedom. Запретные
чувства. Сенсационные
романы Элизабет О'Роарк»
Серия «Братья Лэнгстром», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70973812

*Братья Лэнгстром. Пробуждение Оливии / Элизабет О'Роарк ; [перевод
с английского А. Евсюковой]: Эксмо; Москва; 2024*

ISBN 978-5-04-208893-3

Аннотация

Жизнь Уилла Лэнгстрема полна забот, и появление проблемной студентки, которую перевели из другого университета, для него совершенно некстати. У Оливии острый язык и непростое прошлое, полное осколков болезненных воспоминаний и мешающее жить. Но девушка не примет помощь от самоуверенного, вечно недовольного тренера. И всё же Уилл не готов смириться с отказом. Он полон решимости спасти Оливию

любой ценой... а также не поддаваться влечению, которое может погубить их обоих.

Содержание

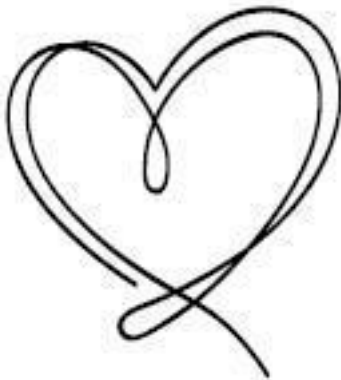
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	50
Глава 7	56
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Элизабет О'Роарк Братья Лэнгстром. Пробуждение Оливии

Freedom. Запретные чувства. Сенсационные романы Элизабет О'Роарк

WAKING OLIVIA Elizabeth O'Roark

Copyright © 2016 by Elizabeth O'Roark All rights reserved.

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации:

© Lana Nikova, Ianisme, archetype, liansyahmora nasution, GelgelNasution, GSapphire, Larisa Rusina, AA Stocks, bamban heru cahyanto, stockvit / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Freedom

© Евсюкова А., перевод на русский язык, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава 1

Оливия

Сегодня мой первый день в новом университете, и я иду как на казнь. В этом нет ничего удивительного, ведь мне предстоит встреча с человеком, способным разрушить мою жизнь.

Первым делом я нахожу столовую, сверяясь с довольно паршивой картой кампуса, которую мне послали в прошлом месяце. Всем легкоатлетам выдают план питания, вне зависимости от того, живут ли они в общежитии. И, учитывая, что последние три месяца я ела исключительно яйца и рамен, это, пожалуй, к лучшему.

Наполнив поднос едой, я сажусь за свободный столик. Омлет, овсянка и яблоко – вот завтрак, который ждет меня каждый день на протяжении всего учебного года. Для начала я принимаюсь за яблоко, молясь про себя, чтобы оно не вздумало совершить обратный путь.

Я уже знаю, что эта встреча ничем хорошим не закончится. То, что после инцидента в прошлом университете *хоть кто-то* решил меня взять, уже само по себе невероятно и наверняка новый тренер скажет, что я зачислена с массой оговорок. В лучшем случае меня ждет серия предупредений и угроз, в худшем – он выдвинет условия, на которые я просто не смогу согласиться.

«Они сами захотели принять тебя и даже предложили стипендию, – напоминаю себе. – Все пройдет не так уж плохо».

Но меня все равно мутит, сколько бы я это ни повторяла.

Факультет легкой атлетики расположен в огромном здании, которое возвышается почти над всеми прочими в кампусе – что отлично демонстрирует приоритеты Университета Восточного Колорадо. Наверное, я должна быть благодарна, ведь именно поэтому мне вообще дали стипендию.

Когда секретарь приглашает меня войти, на ее лице ни те-

ни беспокойства – значит, она одна из тех немногих людей в мире студенческого спорта, кто еще не в курсе того, что я натворила. Большинство же смотрит на меня так, словно я какое-то бешеное животное или та ядовитая малазийская змея, после укуса которой вы теряете сознание, не успев пройти и двух шагов, а затем умираете.

Но двое мужчин, ожидающие меня в кабинете, – другое дело. Сразу видно, что вот они-то *прекрасно* знают, что произошло. В их взгляде еще с порога читается неодобрение – глаза прищурены, руки скрещены на груди, – из-за чего я уже начинаю закипать.

Сейчас неизбежно последует нотация, и мне придется ее выслушать, потому что у меня нет иного выбора. Питер Макьюэн (тренер, сидящий передо мной) – настоящая легенда, а в данный момент только легенда меня и спасет. Раньше меня называли *одаренной* бегуньей, благоговейно говорили о моем потенциале. Теперь же единственное, о чем все говорят, – как я чуть не загремела в тюрьму.

Но Макьюэну тоже нужна легенда. В УВК уже почти десять лет не было женской команды по кроссу с шансами на победу: вот почему они пошли на огромный риск, предложив мне стипендию.

Им нужно, чтобы я вернула свои позиции, почти так же сильно, как и мне самой.

Ради шанса работать с Макьюэном я готова изобразить раскаяние и притвориться, что мне жаль. Для Макьюэна –

но никак не для второго парня, сидящего рядом с ним. Он едва ли старше меня и с такой внешностью должен позировать для обложки журнала Men's Fitness, а не торчать здесь с угрюмым видом. Он откидывается на стуле, сверкая голубыми как лед глазами, и у меня сводит зубы от самоуверенной улыбки на его загорелом лице. Я не против, чтобы меня поучал Макьюэн, но черта с два я стану унижаться перед этим типом. «Давай, ублюдок, продолжай сверлить меня своим взглядом. Увидишь, к чему это приведет».

Макьюэн встает и пожимает мне руку.

– Это мой коллега, Уилл Лэнгстром. – Он указывает на другого парня.

Лэнгстром тоже встает, но его глаза по-прежнему прищурены, а взгляд не стал ничуть доброжелательнее. Он выглядит довольно угрожающе, возвышаясь надо мной и глядя так, будто на досуге я убиваю котят. А когда люди чувствуют угрозу, то либо сбегают, либо нападают в ответ. Угадайте, какой вариант про меня... Я с трудом сглатываю, стараясь не запаниковать.

«Держи себя в руках, – предупреждаю я, пока желудок предательски сжимается. – Тебе сегодня нельзя облажаться».

– Оливия, – кратко приветствует Лэнгстром.

– Зови меня Финн. – Я смотрю на него не менее враждебным взглядом.

«Мне вообще не сдалось твое одобрение, кретин».

– Уилл тренирует женскую команду по кроссу, – сообщает Макьюэн.

Сердце ухает вниз, и я ощущаю такое яркое смешение паники, гнева и разочарования, что даже не могу отличить одно чувство от другого. В основном я злюсь на себя. Неужели я действительно думала, что Питер Макьюэн будет тренировать меня лично? О равноправии полов болтают все кому не лень, но ни один вуз не отдаст заслуженного тренера женской команде.

А еще это означает, что мне и впрямь *нужно* получить одобрение Лэнгстрема, и он ясно дал понять, насколько это выполнимо.

– У тебя два года до выпуска, и лишь от вас двоих зависит, выйдет ли из тебя что-нибудь к этому сроку, – говорит Макьюэн.

Я недовольно переминаюсь с ноги на ногу: не могу сказать, что в восторге от фразы «выйдет ли из тебя что-нибудь». Я поставила три рекорда прохождения трасс, которые до сих пор никто не побил – разве из меня уже что-нибудь не вышло? Черт, мне теперь до конца жизни придется доказывать, что я чего-то стою?

– Мы не будем обсуждать, что произошло между тобой и твоим товарищем в прошлой команде, – произносит он сдержанным голосом, от чего мои напряженные мышцы самую малость расслабляются. – Но, надеюсь, ты понимаешь, что здесь это не должно повториться.

Я киваю, скромно сложив руки на коленях. «Покажи ему раскаяние».

– Потому что мы не станем ждать, пока кто-то снова окажется в больнице по твоей вине: ты вылетишь отсюда при первом же намеке на агрессивное поведение, – предупреждает Макьюэн. – Это ясно?

«Не проявлять ни намека на агрессивное поведение? Нереально. Вы *уже* в шаге от того, чтобы увидеть один “намек”». Каким-то образом мне удастся ограничиться еще одним кивком.

– Твои *внеклассные занятия* – совсем другое дело, – продолжает он. – Как известно, прошлый тренер уделял особое внимание твоим *индивидуальным тренировкам*. Здесь такого не будет, это понятно?

Я тяжело вздыхаю. Макьюэн понятия не имеет, что собой представляли мои индивидуальные тренировки на самом деле. Ему невдомек, что они были намного хуже, чем он думает; что при всем желании я не могла остановить этого человека... И поверьте, я пыталась.

– Понятно, – отвечаю я, скрипя зубами.

Макьюэн встает и сообщает, что даст нам с Лэнгстромом возможность переговорить с глазу на глаз. У меня пересыхает во рту, пока я провожаю его взглядом из кабинета, и только когда за ним закрывается дверь, неохотно поворачиваюсь к своему новому тренеру, которого уже чертовски ненавижу.

– Надеюсь, ты здесь не задержишься, – прямо заявляет

тот. – Я не куплюсь на этот бред про «хорошую девочку, которая совершила ошибку». Ты чуть не убила человека.

Я отчаянно стараюсь сдержаться, разглядывая пол, стены – что угодно, лишь бы не смотреть на него. С усилием я все же беру себя в руки, от чего мои мышцы напрягаются; я концентрирую всю свою энергию на том, чтобы не взорваться. «Да пошел ты, пошел ты, пошел ты!» Почему я вообще должна слушать этого типа? У него широкие плечи, высокий рост – телосложение пловца или футболиста, а не бегуна. Я не стану указывать автомеханику, как менять масло, так с какого перепугу этот парень будет учить меня бегать?

– Мне любопытно: ты хотя бы сожалеешь?

Я сжимаю кулаки. Люди все время задают мне этот вопрос, но на самом деле ответ им не нужен. Они просто хотят напомнить, что я *должна* сожалеть. И мне жаль. Жаль, что я потеряла стипендию. Жаль, что мне пришлось уйти и что я больше не смогу бегать в первом дивизионе. Но я не жалею о том, что сделала. Когда вспоминаю Марка Белла с его самодовольной улыбкой и той мерзкой тенью в глубине глаз, мне довольно трудно сожалеть о содеянном.

Главное – не озвучить последнюю мысль вслух...

– Я не хотела, чтобы он так сильно пострадал, – бормочу я.

Это единственный правдивый ответ, который не выставит меня психопаткой.

– Вообще-то не очень похоже на раскаяние, – указывает Лэнгстром.

«Это и не раскаяние, придурок».

– Бегаешь ты дерьмово, – продолжает он. – В последний раз ты поднималась выше третьего места почти два года назад и уже три года не бегала мило за четыре тридцать. Ты сдала позиции.

Эта фраза звучит в моей голове каждый день.

– Я могу их вернуть. Мне просто нужно выкладываться на тренировках, – отвечаю я.

Он скрещивает руки на груди. У него действительно красивые бицепсы, что могло бы полностью меня отвлечь, будь у нас другой разговор.

– Ты обуза, и у меня нет никакого желания тратить на тебя время – которое я мог бы вложить в действительно талантливых спортсменов, – только для того, чтобы ты «выкладывалась». Но Питер что-то в тебе увидел. Он утверждает, буд-то ты неограниченный алмаз.

Эти слова меня мгновенно успокаивают. Питер Макьюэн считает, что я – неограниченный алмаз... Это чего-то да стоит.

Его губы сжимаются в тонкую линию.

– Я с ним не согласен.

Если бы я была умнее, то уже собирала бы вещи. Потому что совершенно очевидно, что один из нас должен уйти, и вряд ли это будет он.

На улице я замечаю троих парней, сидящих у кирпичной стены корпуса легкой атлетики.

– Эй, новенькая! – кричит один из них. У спортсменов дерзость развита сильнее, чем у населения в целом, так что они гораздо меньше боятся отказа.

Я останавливаюсь и оглядываюсь на них, перекинув через плечо свои темные волосы. Приятно знать, что как бы я ни облажалась, по крайней мере, одного у меня не отнимешь – моей привлекательности. Иметь шикарную внешность почти так же круто, как владеть суперсилой: это все равно что вытянуть карту «Выйти из тюрьмы бесплатно» и заставлять мужчин игнорировать множество моих недостатков, в том числе ужасных. А у меня их очень, очень много...

– Да? – Я вопросительно поднимаю бровь.

У всех троих появляются хулиганские улыбки, и самый смелый неторопливо выходит вперед. Он горяч. И, судя по его широким плечам, вероятно, футболист. Мне это нравится: худощавые бегуны меня не впечатляют.

– Так ты новенькая?

Я снова приподнимаю бровь:

– Я думала, мы это уже выяснили.

– Меня зовут Лэндон, – представляется он, и я внутренне

вздрагиваю.

«Лэндон» – так должны звать кого-то из частной школы, одного из тех ребят, которые носят поло с розовыми воротничками и избивают одноклассников после уроков.

И все же он довольно симпатичный. Не то чтобы такие милovidные парни были в моем вкусе, но после нескольких банок пива мои вкусы становятся значительно шире.

– Привет, Лэндон, – бросаю я и продолжаю идти, ведь мужчины обожают догонять и добиваться.

И конечно, он бросается меня догонять. Они все так чертовски предсказуемы.

– Ты не сказала, как тебя зовут, – говорит Лэндон, поравнявшись со мной.

– А ты не спрашивал.

Он ухмыляется, совсем не смутившись:

– Так как тебя зовут?

Я уже готова закончить разговор.

– Финн, – отвечаю я, не замедляя шага.

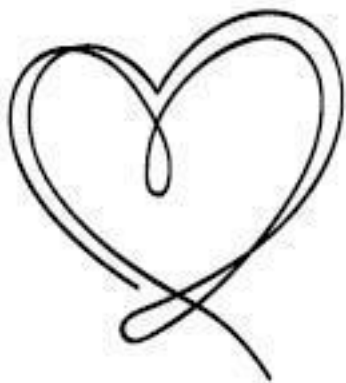
Лэндон останавливается как вкопанный.

– Это же мужское имя!

– Я знаю. – Меня начинает это веселить.

– Я хочу, чтобы ты стала моей девушкой, Финн!

Ага. Это я тоже знаю.

Глава 2

Уилл

Мне не нужна эта девчонка в команде.

Я это понял сразу, как только она появилась в кабинете Питера. Если бы на фоне заиграла музыка из «Челюстей», и то вышло бы не так зловеще.

Уму непостижимо, что Питер вообще ее пригласил. Ради бога, да она же избил члена своей же команды. Даже если бы ее талант это компенсировал, он проявляется с переменным успехом. Единичные эпизоды блистательности – а затем месяцы посредственных результатов.

– От нее будут одни неприятности, – говорю я Питеру, после того как она уходит.

Я стараюсь, чтобы мой голос звучал отстраненно, пытаюсь скрыть силу своих эмоций, потому что даже я понимаю, что они выходят далеко за рамки разумного.

– Тебе в команде нужен лидер, – указывает тот. – Тот, кто заставит твоих девочек поверить, что у них есть шанс. Ради кого они захотят выкладываться.

Я устало вздыхаю. До меня тренером женской команды УВК двадцать пять лет был Питер, он известен по всей стране – нет, по всему миру! Он мог бы променять нас на первый дивизион десятилетия назад. В беге Питер – эксперт.

Но, господи, на этот раз он просто *не прав*.

– У нас есть Бетси, – возражаю я.

В ответ Питер только насмешливо фыркает: Бетси никому не нравится. Она высокомерна, любит над кем-нибудь поиздеваться и лишь ненамного быстрее других девушек, однако ведет себя так, словно уже звезда. И все слишком ее боятся, чтобы ей возразить.

– Ладно, но Финнеган? Серьезно? – продолжаю я. – Неужели ты считаешь, *она* способна поднять командный дух? Бетси в сравнении с ней просто мать Тереза.

– Ты когда-нибудь видел, как она бежит?

Я качаю головой. Я окончил университет на два года раньше, чем она поступила. Впервые я услышал ее имя несколько лет назад, когда Финнеган еще была первокурсницей и поговаривали, что она станет сенсацией. А потом эти разговоры стихли, и о ней все забыли, включая меня. Жаль, я не могу и дальше про нее не вспоминать.

– Она невероятна. – В голосе Питера звучит легкое восхищение. – Когда она действительно хочет, все остальные на

поле выглядят будто в замедленной съемке.

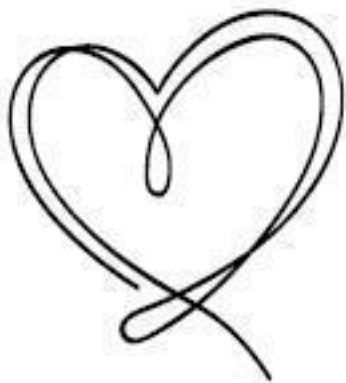
Знаю, он думает, что эта девушка – возможность УВК вырваться вперед, и я признаю, что теоретически это возможно. Но просто не хочу, чтобы она была в команде, и точка.

– Она перестала быть невероятной уже очень давно. И уж точно не похожа на человека, который сплачивает людей.

– Кто лучше тебя сможет ее этому научить? – спрашивает Питер с улыбкой.

Я не желаю ее ничему учить, особенно после того как познакомился с ней лично. Эта девушка – ходячая проблема, и не только потому, что не умеет работать в команде или дает непредсказуемые результаты. Эта проблема из разряда коварных, манипулятивных, слишком сексуальных для своего же блага. Вошла и продефилировала по кабинету Питера, словно модель, длинноногая и загорелая, с большими зелеными глазами и многозначительной улыбкой... Она из тех девушек, которые создают неприятности просто своим существованием, а затем делают все возможное, чтобы их приумножить.

А последнее, что мне сейчас нужно, – еще больше неприятностей.

Глава 3

Оливия

Я на заднем сиденье машины, которая несется по узкой улочке. В конце каждого квартала мы проезжаем знак «Стоп», но лишь иногда сбавляем скорость. Впереди сидит мама на пассажирском сиденье, ее плечи скованы страхом. Мой брат сидит рядом со мной и, обхватив мою руку своей ладонью, сильно сжимает ее, подготавливая к боли.

На очередном перекрестке я вижу женщину: темно-синее платье, опухшие ноги... Она встречается взглядом со мной – ошеломленной, перепуганной до смерти, – и мы обе знаем, что сейчас произойдет.

Тело женщины перелетает через капот. На лобовом стекле кровь, ее брызги похожи на современное искусство. Кровь хлынула так мгновенно, словно женщина истекала кровью еще до того как мы ее сбили. Машина резко тормо-

зит, и ее тело перелетает обратно на асфальт. А потом мы резко газуем и переезжаем эту женщину словно огромный лежащий полицейский. Я резко втягиваю воздух, пытаюсь заменить ужас в груди чем-то другим, чем угодно, и задыхаюсь, словно это мои легкие только что были расплющены под автомобилем.

Затем ко мне оборачивается мама, ее глаза полны невыразимого ужаса. Внезапно мы оказываемся в ее комнате.

– Беги, – шепчет она. – Спрячься в лесу.

И хотя я почти парализована этим черным, удушающим страхом, я делаю, как она говорит. Я бегу изо всех сил, охваченная отчаянием и безысходностью.

«В лес, в лес, в лес», – единственная мысль, которая крутится у меня в голове, словно была выжжена в мозгу.

Я должна добраться до леса.

От меня не осталось ничего, кроме стремления выполнить мамин наказ, как будто это может все исправить. Сердце гулко стучит в ушах, а я бегу и бегу, зная, что он следует за мной; зная, что кровь, стекающая по моей спине, – это только начало.

Зная, что я совершила огромную ошибку, и когда остановлюсь, все это меня настигнет.

Я просыпаюсь на улице, которую никогда прежде не видела. Сердце все еще бешено бьется, по мне стекает пот, а руки дрожат. Я по-прежнему в шортах и майке, в которых заснула, и стою босиком, потому что всегда сбрасываю обувь во сне. Я понятия не имею, где нахожусь. Солнце еще не взошло, но в темном небе уже появился намек на рассвет.

– Вот дерьмо, – бормочу я себе под нос, окончательно проснувшись и начиная осознавать, что произошло.

Теперь мне надо искать дорогу в кампус.

У меня уходит больше часа, чтобы найти свою квартиру, потому что я пока плохо ориентируюсь в этом районе. Навскидку я пробежала три мили, до того как проснулась, но пока пыталась отыскать обратную дорогу, пробежала еще около четырех.

Чуть позже я наконец появляюсь на стадионе – без сомнения, единственная, кто сегодня уже намотал семь миль. Я намеренно смотрю куда-то вдаль, притворяясь, что не замечаю, как вся команда перешептывается и бросает в мою сторону косые взгляды. Все они знают, кто я. И большинство бы предпочли, чтобы меня здесь не было. В особенности од-

на девушка, самая высокая из них, совершенно не скрывает презрения ко мне. Черт... Я еще даже не познакомилась с новой командой, а мне уже хочется кому-нибудь врезать.

К нам подходит Уилл Лэнгстром, мой новый тренер и исключительный придурок, и все тут же переключают внимание на него. Теперь, имея возможность свободно его разглядывать, я вынуждена признать, что он до нелепости привлекателен. Взъерошенные каштановые волосы, слегка впалые щеки, форма верхней губы... Даже походка у него сексуальная, дерзкая, что делает его еще более притягательным. За что я в некотором роде ненавижу нас обоих.

Он широко улыбается:

– Доброе утро, дамы.

– Доброе утро, тренер, – отвечает ему хор голосов.

Я не издаю ни звука. Вся команда смотрит на него так, словно он самый прекрасный принц и Кристиан Грей в одном флаконе. Он мог бы спустить штаны прямо сейчас – и половина девушек тут же упала бы на колени. Неудивительно, что он такая сволочь.

– Полагаю, вы уже познакомились с новыми членами команды, – произносит он, глянув на меня.

Конечно же, все дружно молчат. Он хмурится и представляет им двух первокурсниц, а затем поворачивается ко мне:

– И Оливией Финнеган, которая перешла к нам из Техасского университета.

Все переводят взгляды на меня, очевидно, наслаждаясь

тем, что девушку из первого дивизиона настигла карма и ее отправили обратно в младшую лигу. Однако они не могут открыто злорадствовать, поскольку лишь я способна помочь им завоевать титул. По просьбе Лэнгстрема все называют свои имена, но я не особо обращаю внимания. Единственная, кого я запоминаю, – это Бетси: та девушка, что продолжает бросать на меня злобные взгляды. Приятно знать, как зовут человека, которого мне, видимо, предстоит втоптать в грязь.

– Сегодня мы бежим десять миль, и это ваш счастливый день, потому что я побегу с вами. – Голос Лэнгстрема сопровождают недовольные стоны. – Вперед, посмотрим, кто из вас ленился этим летом.

Я не ленилась. Все лето я давала уроки верховой езды днем и бегала утром и вечером. Но сегодня этого никто не увидит.

Бетси стартует, и мы все следуем за ней. Она задает достойный темп. Ничего выдающегося, но, учитывая, что я едва успела принять душ после утреннего забега, у меня никаких возражений.

Просыпаться от кошмаров в незнакомом месте, как сегодня, мне не впервой. Со мной это происходит с детства, обычно когда я испытываю стресс, но иногда и без видимой причины. Я не единственная с такой проблемой: есть и другие «счастливчики», и в интернете этому посвящен отдельный форум, где они делятся своими историями. Но я нико-

гда не рассказывала свою, поскольку даже среди них я ненормальная. Эти люди могут во сне спуститься по лестнице или пробежать один-два квартала. Я же бегу несколько миль, бегу по лесам, просыпаясь в крови и в поту, – что запросто может разрушить мои шансы на карьеру бегуньи, потому что я никак не могу этому помешать.

Иногда это проходит без особых последствий, но сегодня у меня в ногах такая тяжесть, словно на них висят гири. Не то чтобы я не могла пробежать семнадцать миль в день, просто я не могу пробежать их *быстро*, не могу пробежать спринтом. А во сне я, похоже, выдала настоящий спринт, потому что сил у меня совершенно не осталось. Однако я их нахожу, мне приходится – я не могу и здесь облажаться.

На полпути мы останавливаемся попить воды, и только теперь я впервые оглядываю своих товарищей по команде. Сейчас все они покрыты пылью, поднявшейся во время бега; в этой пыли выделяются тонкие дорожки пота, стекающего у них по рукам. Один взгляд на ту девушку, что бежала впереди, – эту Бетси – порождает у меня дурное предчувствие. В ее позе, ее расправленных плечах есть что-то надменное, агрессивное... Хотя, полагаю, то же самое можно сказать и обо мне.

Уилл всю дорогу молчит, и я невольно испытываю к нему уважение за то, что он вообще может за нами угнаться. Каждый лишний килограмм в теле – будь то мышцы, жир или что-то еще – подобен паре кирпичей, с которыми вам прихо-

дится бежать. Лэнгстром тяжелее меня килограммов на сорок: это немало кирпичей.

Когда впереди появляется кампус, я испытываю огромное облегчение. Мне удалось не отстать, и я не опозорилась в первый же день. Я как раз начала замечать характерное головокружение, после которого обычно теряю сознание, так что все могло быть гораздо хуже. Когда мы добегаем до стадиона, Уилл сообщает, что раздаст нам заметки на завтрашней тренировке, и всех отпускает.

Ну, почти всех.

– Оливия, – останавливает меня тренер, в его голосе слышны резковатые нотки. – Нужно кое-что обсудить.

Я тут же напрягаюсь. Вряд ли он заготовил ободряющую речь, чтобы поприветствовать меня в команде. Проходя мимо нас, Бетси ухмыляется.

– Зови меня Финн, – буквально рычу я.

Уилл делает вид, словно не слышал.

– Что, черт возьми, это было? – требует он. – Не знаю, как тебя тренировали раньше, но когда я говорю пробежать десять миль, то хочу увидеть, что ты прилагаешь хоть немного усилий.

У меня отвисает челюсть. Что за фигня? Я там чуть не сдохла, а он еще мной недоволен?

– Ничего подобного! – возмущаюсь я. – Я ни разу не отстала.

– Думаешь, мы тебя взяли в команду, чтобы ты здесь *не*

отставала? – спрашивает он, сощутив голубые глаза. – Нам нужен лидер. А ты еле шевелилась, словно мамаша, которая решила немного сбросить жирок.

Мои руки сами собой сжимаются в кулаки с такой силой, что ногти впиваются в ладони. «Боже, что за ублюдок...»

– Я устала.

– Ты провела точно такую же тренировку, как и все остальные, так что у тебя нет причин уставать, – заявляет Лэнгстром, скрестив руки на груди. – Если только вчера ты не нарушила запрет Питера на выпивку перед занятием.

Я закрываю глаза, чувствуя себя загнанной в угол, в то время как мой пульс учащается. Объяснение, которое я давала в прошлом вузе, здесь не прокатит, поэтому я принимаю очень сомнительное решение сказать правду – что, как правило, ни к чему хорошему не приводит.

– Я немного пробежалась сегодня утром перед тренировкой, – тихо признаюсь я.

Все говорят, что когда сознаешься в чем-то, то испытываешь облегчение, но прямо сейчас я просто чувствую себя беззащитной, маленькой и слабой. А я ненавижу это больше всего.

Уилл сердито поджимает губы.

– *И почему же ты это сделала?*

Всего на мгновение, на миллисекунду, я непроизвольно встречаюсь с ним взглядом. Отчасти хочется умолять его, чтобы он не задавал вопросов, не допытывался, не отнимал у

меня эти секреты. Я отвожу взгляд, потому что отказываюсь умолять его или кого бы то ни было.

– Мне... Мне не спалось.

Пару секунд он молчит, на его скулах играют желваки, но в глазах читается неуверенность.

– Ты у меня на карандаше, – наконец отвечает он. – Будешь бегать, когда я скажу тебе бегать, и точка. Чтобы больше это не повторялось.

Он разворачивается и уходит прочь, а я стою и гадаю, как скоро Лэнгстром выгонит меня из команды. Ведь, если бы я могла это прекратить, я бы вообще здесь не оказалась.

В раздевалке я игнорирую всех до единого. Эти девчонки мне не подруги и не станут моими подругами даже через два года: я уже это проходила и прекрасно помню, к чему это привело.

– Я Эрин, – подает голос девушка, которая переодевается рядом со мной.

У нее необычайно приятная внешность – длинные светлые волосы, россыпь веснушек и большие васильково-синие глаза. Такую девушку можно увидеть в рекламе молока или церковной молодежной группы. Одного взгляда на нее до-

статочно, чтобы понять: она никогда не страдала. Я не должна ненавидеть ее за это, но ничего не могу с собой поделать.

Склонившись над сумкой, я бурчу в ответ что-то неразборчивое в надежде, что это прозвучит достаточно враждебно, чтобы ее оттолкнуть.

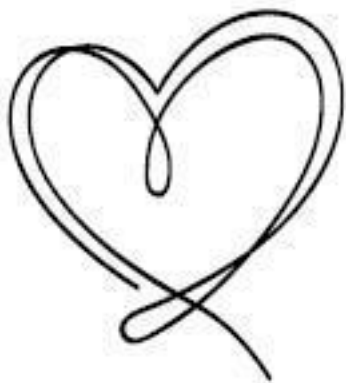
– Так... – начинает она, выпучив глаза и улыбаясь как ненормальная, – это правда, что тебя выгнали из команды за то, что ты избил Марка Белла?

Я крепко сжимаю челюсти. Для нее фиаско всей моей жизни – всего лишь пикантная сплетня. Забавно, как все меня осуждают за то, что я сделала, но не видят ничего плохого в том, какой гребаный восторг у них вызывает эта история.

– Ага, – бросаю я, продолжая складывать вещи в сумку. – Так мне говорили.

– И зачем ты это сделала? – шепчет Эрин, словно мы с ней секретничаем тет-а-тет, тогда как половина команды стоит рядом и греет уши. – Он, наверное, тебе что-то сделал, да?

– Да. – Я пристально смотрю на нее, а затем на остальных девушек, которые уже перестали изображать незаинтересованность и теперь открыто подслушивают. Подхватив свою сумку, я направляюсь к двери. – Он задавал слишком много чертовых вопросов.

Глава 4

Оливия

В столовой я беру лишь салат с курицей гриль, без сыра, без соуса и без хлеба. У лучших в мире бегуний на длинные дистанции примерно пятнадцать процентов жира в организме. Каждый лишний килограмм, с которым нужно бежать, каждую милю задерживает на четыре секунды. Может показаться, что это не так уж много, однако дополнительные пять килограммов на шестимильной дистанции означают опоздание на целых две минуты – и это уже определяет разницу между победой и поражением.

Поэтому я с завистью наблюдаю за футболистами, которые нагружают свои подносы картошкой фри с сыром, бургерами, печеным картофелем и пирогами. Хотя бы раз в своей гребаной жизни я хочу поесть как футболист. Пока я занята созерцанием, напротив меня садится Эрин.

Я издаю приглушенный стон. Эта девушка, видимо, не понимает намеков.

– Извини меня, пожалуйста. – Ее большие синие глаза полны раскаяния. – Мне очень стыдно. Ты была права, я допытывалась и вообще лезла не в свое дело.

– Как скажешь.

Честно говоря, это единственный ответ, на который я способна, потому как в данный момент меня просто завораживает содержимое ее подноса. Мясо, плавающее в подливе, картофель, хлеб, молоко – и пирог на десерт. Здесь минимум две тысячи килокалорий. Один только вид этого вызывает у меня попеременно отвращение и зверский голод. Я разворачиваю газету и молюсь, чтобы она ушла.

– Ты не очень-то дружелюбна, – отмечает Эрин, – тебе это известно?

– Ага. – Вот же *намек*, почему ты не видишь чертов *намек*! – Мне не нужны друзья.

– Всем нужны друзья, – возражает она. – Знаешь, ты не сможешь меня отпугнуть.

Я тяжело вздыхаю. Усталость заставляет мою чашу терпения наполняться быстрее, а я не отличаюсь сдержанностью и в лучшие дни.

– Ты так и будешь болтать, пока я пытаюсь читать?

– Да, – щебечет она, вонзаясь зубами в отвратительный кусок сочного мяса. Меня передергивает, но я все равно продолжаю смотреть. – Я общалась с людьми и похуже. Видела

бы ты моего брата: он столько раз проходил реабилитацию, что этот центр для него как второй дом. Может быть, даже первый. И когда он употребляет, или отходит от дозы, или проходит детоксикацию, он такой засранец, какого ты еще не встречала.

Ладно, выходит, я ошибалась. В ее идеальном мире все-таки была пара капелек дождя. Но мне по-прежнему плевать.

– Потрясающе, – бормочу я.

– Он уже в порядке, спасибо, что спросила, – сухо отвечает Эрин.

Хоть все это и раздражает, тут мои губы непроизвольно дергаются, и я бы даже улыбнулась, если бы она не восприняла это как поощрение.

– Сейчас он в Лос-Анджелесе, занимается своим «искусством». – Эрин закатывает глаза. – Ты, наверное, думаешь, что Лос-Анджелес не лучшее место для человека, который только что закончил реабилитацию?.. Именно это я и говорила родителям, но они так рады, что он хоть чем-то увлекся, что стараются не обращать на это внимания. Это весь твой обед?

Черт, ради всего святого... Она когда-нибудь замолчит?

– Да.

– Тебе нужна еда, чтобы наращивать мышцы. Тебе правда стоит сходить к нутрициологу, и она подтвердит, что ты питаешься неправильно.

– Нутрициология – моя специализация. Я считаю, у меня

все под контролем.

– И все-таки это нездорово.

Я снова подавляю стон. Компания Марка Белла, вероятно, и то была бы лучше. По крайней мере, от него я могла хоть как-то отделаться.

– Ты всегда столько говоришь?

– Всегда. – Эрин улыбается, широко распахнув глаза. – Вот почему мы идеально друг другу подходим: ты почти не говоришь, а я почти не замолкаю. Тебе очень повезло, что ты меня нашла!

Я отправляю в рот последний кусочек курицы и быстро встаю. Боже, как я надеюсь, что в УВК где-нибудь есть другой кафетерий.

После обеда я беру велосипед и еду в самую дальнюю часть кампуса, где старые викторианские дома сменяются полями и лесами и нет никаких ориентиров, подсказывающих, в какой стороне дом. Сегодня утром мне очень повезло, однако так бывает далеко не всегда. Проснуться и обнаружить, что вы посреди ночи на улице, босые и беззащитные, вдали от дома, – это уже страшно, но в десять раз страшнее, когда вы просыпаетесь и понятия не имеете, где, черт побе-

ри, находитесь. Поэтому, чем больше территории я изучу за пределами своей квартиры, тем лучше.

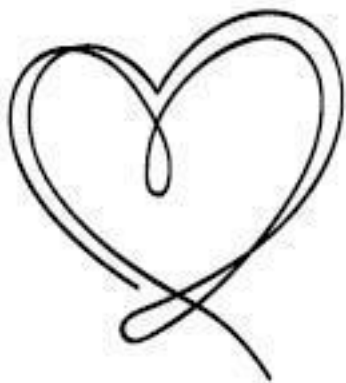
У меня правда нет выбора. Я пробовала спать, засунув мобильник за пояс, но это не помогает. В половине случаев я теряю телефон во время бега, а даже если нет, поймать в лесу сотовую связь просто нереально. Да и кому мне звонить? У меня нет друзей.

Я брожу по лесу примерно в трех милях к северу от моего дома, стараясь не обращать внимания на ноющее чувство в животе – страх, что здесь случится нечто ужасное. Столько всего может пойти не так, и я уже не раз попадала в неприятности, даже когда *знала*, где нахожусь.

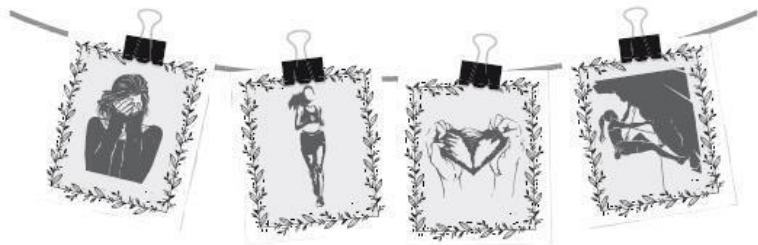
И все это в любом случае бессмысленно. Я приехала сюда только ради Макьюэна, в надежде, что он еще может мне чем-то помочь. А вместо этого меня тренирует самонадеянный кретин, который наверняка не занимался бегом даже в старших классах.

Мне не стоило избивать Марка Белла и не стоило приезжать сюда. Возможно, решение здесь остаться тоже заставит меня пожалеть.

На самом деле я почти уверена, что так и будет.

Глава 5

Оливия

На следующее утро я готова поставить Уилла Лэнгстрема на его гребаное место. Его вчерашние слова до сих пор меня выбешивают, хотя прошли почти сутки. Вот же ублюдок... Но сегодня я проспала всю ночь в своей постели, так что посмотрим, что он теперь скажет.

Перед тренировкой все оживленно болтают, и сочетание волнения и страха делает голоса девчонок еще более визгливыми, отчего они раздражают даже сильнее обычного. В особенности Эрин, чей безостановочный поток слов направлен прямо на меня.

Наконец к стадиону не спеша подходит Уилл, и его кривоватая улыбка заставляет всю команду глупо хихикать, будто они увидели солиста любимой группы. Пожалуй, не будь он таким козлом, я бы и сама на него запала. В нем все идеаль-

но: голубые словно лед глаза, волнистые волосы, легкий намек на щетину, губы и то, как он приподнимает уголок рта, когда пытается не улыбнуться. Из-под рукава его футболки выглядывает край татуировки, и я жалею, что не могу увидеть ее целиком...

– Сегодня будете бежать шесть миль в хорошем темпе, как на соревнованиях, – объявляет он. – По всему маршруту я оставил метки, которые укажут вам направление. Я буду ехать рядом и оценивать. Всем остановиться на знаке разворота: там мы заново соберемся, и вы побежите обратно.

«Тебе придется оценивать мой зад издалека, Лэнгстром. Приготовься пожалуйть о своих словах».

Когда Уилл дает сигнал начинать, я стартую так быстро, что и он, и вся команда сразу пропадают из моего поля зрения. Я их даже больше не слышу. Во мне столько энергии, что я готова летать! Вот что я люблю больше всего: свободу, абсолютную свободу не думать, не вспоминать и не чувствовать вообще ничего.

Я замечаю только разметку на дороге и смутно осознаю, как пролетают мили. Достигнув знака разворота, я продолжаю бежать. Да, знаю, Лэнгстром велел остановиться, но я в своей стихии и я люблю бег больше всего. К черту Лэнгстрома – он даже не бегун.

Когда рядом раздается рев двигателя, я не оборачиваюсь до тех пор, пока до меня не доходит, что это Уилл, который к тому же кричит мне остановиться. Судя по тому, насколько

он взбешен, видимо, он кричит уже довольно долго. И, учитывая, что Уилл выдернул меня из этого момента счастья, я злюсь не меньше его.

Откатив машину на обочину дороги, он выходит из нее и направляется ко мне.

– Когда я говорю остановиться, ты должна остановиться, – рычит он.

– Я бежала. Так и должен выглядеть бег, когда ты *не* пытаешься «немного сбросить жирок», – огрызаюсь я.

– Тащи свою задницу к развороту и прекрати рисовать-ся, – рывкнув, он уходит прочь.

Я возвращаюсь к развороту как раз в тот момент, когда до него добегают Бетси – та, что вчера была впереди. Она тяжело дышит, хотя это должно было случиться только к концу маршрута, а никак не на середине. Согнувшись, она упирается руками в колени.

– Ты как, Бетс? – спрашивает Уилл.

– В норме. – Она выпрямляется и поворачивается ко мне. – У нас вообще-то не соревнование.

Тут уж я открыто усмехаюсь:

– Он сказал бежать «как на соревнованиях». Так что вообще-то это оно и было.

– Знаешь что, – зло шипит Бетси, – ты больше не в первом дивизионе. Оказалось, до него ты не дотягиваешь, поэтому хватит делать вид, будто ты такая крутая.

Меня охватывает ярость. Минус интенсивных тренировок

в том, что, когда вас кто-то выводит из себя, действие адреналина похоже на воинственный хор на задворках сознания, который требует крови.

– Только одна из нас задыхается. – Я подхожу ближе, чтобы встать к ней вплотную. – Так кто притворяется?

– Хватит. – Уилл гневно смотрит на меня и опускает руку мне на плечо, встав между нами. – Вы в одной команде – вот и работайте в команде.

Просто, блин, невероятно. Он обвиняет в стычке *меня*, хотя это она ее затеяла. Сезон начался всего два дня назад, а меня уже все это достало. Достала Бетси с ее пародией на бег, достала остальная команда, которая оказалась даже медленнее Бетси, и достал Уилл Лэнгстром, оказавшийся самой большой сволочью из всех, кто когда-либо учил меня бегать.

Отправив нас обратно к кампусу, он продолжает буравить меня недовольным взглядом, и я снова резко стартую, заставляя их обоих глотать пыль позади меня. Я собираю весь свой гнев и адреналин и направляю к одной-единственной цели: обогнать Бетси настолько, чтобы после тренировки она начала себя немножко ненавидеть. Сейчас, пока она тщетно пытается угнаться за мной, она чувствует себя никчемной и слабой. Я так уверена, потому что это чувство мне знакомо. После забега она будет на меня зла, но еще больше она будет зла на саму себя. А еще я знаю, что этот гнев будет мучить ее, тянуться долгие дни, потому что именно это испытываю я сама после поражения. И пусть моя ярость никуда не ис-

чезла, эти мысли меня немного утешают.

На стадионе я появляюсь задолго до них. «Не дотягиваю до первого дивизиона, да?» – думаю я как раз перед тем, как замечаю Уилла, который свирепо приближается ко мне.

– Ты это сделала, только чтобы ее позлить.

От гнева и адреналина мои руки снова начинают трястись. Я упираюсь ими в бока, чтобы это скрыть.

– Тебе какое дело? Хотел увидеть скорость – ты ее получил.

– Нет. – Уилл зло сжимает челюсти. – Чего я хочу, так это увидеть работу *в команде*. Ты можешь бежать с целью победить, Оливия, но не смей бежать с целью кого-то унижить.

– Зови меня *Финн*, – выплевываю я. Теперь он зовет меня Оливией, просто чтобы выбесить. – И она сама это начала.

– Так она была права? – Уилл складывает руки на груди. – Ты здесь потому, что не дотянула до первого дивизиона?

– Нет, – резко отвечаю я.

– Тогда и веди себя соответственно, – бросает он с отвращением, а потом разворачивается и уходит.

Что за мерзавец! Я только что выжимала больше двенадцати миль в час для этого уroda – и получила только гребаную нотацию?

В этот момент финиширует Бетси, хватая ртом воздух, и зло на меня смотрит. Как это ни прискорбно, теперь не она тот человек, которого я ненавижу на стадионе больше остальных.

Я наскоро принимаю душ и иду в кафетерий, в то время как Эрин следует за мной по пятам, словно самый надоедливый в мире пес. Что бы я ни делала и как бы ей ни грубила, до этой девушки все равно не доходит.

– Это было что-то невероятное! – восклицает Эрин. – В смысле, ты правда быстрая. Просто супербыстрая!

Я лишь пожимаю плечами. К чему ложная скромность? Я действительно быстрая, иначе не занималась бы этим. Но ее слова меня беспокоят: она видела, как я хорошо пробежала всего раз, – и уже полна надежд. Я могла бы ей сразу сказать, что рассчитывать на меня – гиблое дело, однако вместо этого просто разворачиваю газету, продолжая ее игнорировать.

К сожалению, похоже, Эрин не единственная в команде, кого я сегодня чрезмерно обнадежила. На дневной тренировке, пока мы ждем Уилла, рядом со мной болтают несколько девушек.

– Это было впечатляюще, – говорит Николь, самая быстрая в команде после меня и Бетси.

– С тобой у нас все шансы занять приличное место в этом году, – соглашается Эрин.

У меня такое ощущение, будто я задыхаюсь. Не хочу, что-

бы они на меня рассчитывали. Бог свидетель: я *сама* не могу на себя рассчитывать.

– Это был всего один забег, – отвечаю я.

К нам подходит Уилл, одетый в серую обтягивающую футболку и шорты. Так раздражает, что вопреки всему он меня чертовски привлекает. Казалось бы: он такой придурок, что это должно было остудить мои гормоны, но, похоже, это все только усугубляет...

Эрин и Николь начинают хихикать; это такой типичный смех двух любительниц посекретничать, какой я, к своей чести, ни разу не издавала.

– Мы *обожаем* серую футболку, – поясняет Эрин с плутоватой улыбкой.

Когда я в ответ закатываю глаза, Николь смотрит на меня так, словно я тут отрицаю эволюцию:

– Ты не считаешь его сексуальным?

– Просто мне сложно что-то разглядеть под его толстым слоем сволочизма.

– Он не так плох, как ты думаешь, – возражает Эрин. – Вне тренировок он очень мил. Вообще-то и на тренировках он тоже мил.

– Во всяком случае, не со мной.

– Он каждому дает то, что ему нужно. – Склонив голову набок, она смотрит на меня несколько настороженно. – Без обид, Финн, но, похоже, он считает, что тебе нужна дисциплина.

Если бы это так не бесило, я бы, наверное, согласилась.

На тренировке я быстро понимаю, что за утреннее хвастовство мне придется заплатить. Уилл заставляет нас работать на скорость, и пусть у меня больше нет того прилива энергии, который позволял опережать Бетси раньше, будь я проклята, если позволю ей победить. Мы идем ноздря в ноздю каждый забег на восемьсот метров, обе готовы умереть во время передышек и тем не менее бросаем все силы на очередном повторении. Но, разумеется, Уилл окликает именно *меня*.

Он грозно приближается, одарив меня своим вечно свирепым взглядом.

– Что ты творишь? – требовательно спрашивает он. В этот момент я вынуждена сложиться пополам, чтобы отдышаться.

– Бегаю по восемьсот, как ты и просил, – отвечаю я, приподняв одну бровь.

– Серьезно? А мне кажется, ты соревнуешься с Бетси.

– Может, это *она* со мной соревнуется. Почему ты отчитываешь именно меня?

– Потому что от тебя я ожидаю большего. – Он скрещивает руки на груди.

«Ожидаю». Одно это слово заставляет меня чувствовать себя так, будто мне опять не хватает воздуха. Я не хочу, чтобы от меня чего-то ожидали, потому что, видит бог, нет никаких гарантий, что я справлюсь.

– Не сто́ит.

Лэнгстром смотрит мне прямо в глаза. У него открытый взгляд – не рассерженный и не дерзкий, а искренний, как будто он пытается увидеть во мне то, чего там нет.

– Да, – наконец произносит он и отворачивается, чтобы уйти. – Пожалуй, ты права.

Я снизила его ожидания. Но почему-то не чувствую облегчения, на которое рассчитывала.

За оставшуюся неделю я выслушиваю еще несколько лекций от Уилла и ни одной похвалы. Я делаю все, что он говорит. Я быстра, но не слишком, я больше не соревнуюсь с Бетси (хоть мне и хотелось бы втоптать ее в грязь, а после вытереть ноги о ее останки) – однако он по-прежнему хвалит всех, кроме меня. Я покидаю тренировки с недовольным лицом, но он, похоже, этого даже не замечает. Наверное, он считает, что я недолго буду его проблемой.

Наверное, я и сама так считаю.

Если он уже мной недоволен, то ему совсем не понравится, когда начнутся настоящие проблемы – через две недели после того, как в университете начнутся пары и не за горами будет первое соревнование. Стресс означает кошмары, кошмары означают бег во сне, а он означает, что на соревнованиях я буду «блистать» примерно как семидесятилетняя бабуля, которая впервые залезла на беговую дорожку.

В промежутках между тренировками я стараюсь как можно лучше изучить город и прочесываю леса, так как именно там я чаще всего оказываюсь во сне. Понятия не имею, почему меня тянет в лес, и на самом деле не хочу знать.

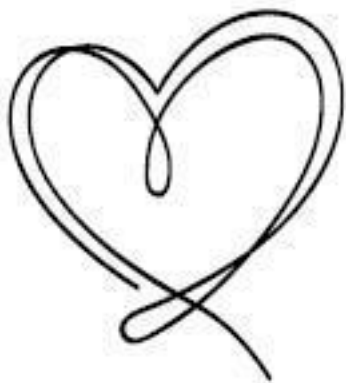
Эрин продолжает таскаться за мной на обед, хотя я ей не раз говорила, что предпочитаю есть в одиночестве. На данный момент ее попытки завязать дружбу стали больше напоминать преследование.

– Seriously? – возмущаюсь я, когда она снова садится за мой столик. – По-моему, мне нужен запретительный приказ.

– Запретительные судебные приказы выдают только при наличии намерения причинить вред, – жизнерадостно сообщает она.

– Я даже не удивлена, что ты так хорошо разбираешься в запретительных приказах, – недовольно бормочу я.

А она просто смеется – как будто я пошутила!

Глава 6

Уилл

– Ну, как успехи? – спрашивает Питер, но сразу понимает ответ по моему лицу и усмехается. – Ты совсем как твой отец, Уилл: он тоже не умел скрывать свои мысли.

Потребовалось почти два года, чтобы любое упоминание о нем перестало причинять боль, и уйдет еще лет двадцать, прежде чем такое сравнение сможет мне понравиться. Я изменил свою жизнь так, как он хотел, – отказался от карьеры альпиниста, стал заниматься фермой, – но отец этого уже не увидит. А даже если бы увидел, это бы все равно ничего не изменило: он бы непременно нашел к чему придраться.

– Нормально, – вздыхаю я, и Питер медленно кивает.

– А как Финнеган?

В моей голове проносится множество ответов: что она все время враждебно настроена, что она смотрит на других де-

вухек из команды так, словно готова пырнуть их ножом... и что у нее есть проблемы. Да, она умеет бегать – но что это было в первый день? Зачем она решила бегать перед тренировкой? Я знаю, что обязан сообщить об этом Питеру, потому что если это будет продолжаться и дальше, то неизбежно приведет к катастрофе: либо она однажды впадет в шок, либо у нее случится сердечный приступ прямо на забеге. Я все это знаю... но почему-то мне вспоминается, какой потерянной она выглядела, когда я потребовал объяснений. Юной, потерянной и разбитой...

– С ней предстоит много работы, – только и отвечаю я.

И это такое преуменьшение, что, честно говоря, больше похоже на откровенную ложь.

После разговора с Питером я отправляюсь на ферму своей матери, по дороге поглядывая на пятерку горных вершин вдалеке, на которые я раньше взбирался. Не знаю, насколько это иронично – по крайней мере, это определенно дерьмово. Судьба смеется мне в лицо, втирает соль в мои раны...

Я поднимался на эти вершины, когда был младше, и всякий раз это происходило вопреки желанию моего отца. Каждое такое восхождение заканчивалось ссорой, из-за чего моя

любовь к альпинизму видоизменялась и превращалась из чего-то чистого и светлого в нечто, полное злобы и непокорности. Вспоминая все те восхождения и свое безрассудство, я вынужден признать, что в каком-то смысле отец был прав. Мне действительно нужно было повзростеть, но я никак не мог этого сделать. А когда мне это удалось, стало слишком поздно, и теперь отец уже никогда этого не увидит.

Наша ферма фактически работа на полный день, которую отец оставил мне после смерти, хотя я никогда не испытывал желания этим заниматься. Она уже приходила в упадок, когда я ее унаследовал. Помимо этого, я работаю тренером – это лишь подработка, позволяющая оплачивать учебу моего младшего брата, но не более того. Из-за двух работ и долгов, также завещанных отцом, мне попросту не хватает часов в сутках (и вряд ли это когда-нибудь изменится), так что дни альпинизма остались для меня в прошлом. Иногда я задаюсь вопросом, смотрит ли отец на меня с небес. Вероятно, он сейчас от души смеется над тем, как все обернулось.

– Джексон вообще приходил этим утром? – недовольно спрашиваю я, зайдя в дом. Мы продали часть фермы, но оставшегося объема работ все равно слишком много для нас и наших помощников, нанятых на неполный рабочий день. – Конюшни выглядят дерьмово. Скорее всего, потому что они и были переполнены дерьмом.

Мама лишь вздыхает:

– Да, приходил. Ты и сам понимаешь, как все устроено,

Уилл.

Да, я понимаю. Никто не станет убиваться из-за сезонной работы или работы на неполный рабочий день. Для всех, кого мы нанимаем, это только временный вариант, пока человек не найдет что-то получше.

– Как дела на работе? – спрашивает мама.

«Не очень», – думаю я, но не говорю этого вслух. Она и так чувствует себя виноватой из-за того, что мне вообще придется заниматься фермой.

– Довольно хорошо. В этом году команда выглядит неплохо.

– Как новенькие девочки?

– У одной есть потенциал. – Эти слова слетают с моих губ, прежде чем мозг успевает их осмыслить. Я не знаю почему, но что-то в этой девушке вызывает у меня желание поговорить о ней и в то же время – желание притвориться, что ее не существует. Мама отворачивается к плите, что-то помещивая в кастрюле.

– Что ж, у тебя есть четыре года, чтобы над ней поработать, – отвечает она. Я наклоняюсь вперед, облакачиваясь на стол.

– Всего два: она к нам перевелась.

– Точно, – кивает мама. – Это Оливия, верно? Питер рассказывал о ней.

Я удивленно приподнимаю бровь. Питер был другом нашей семьи всю мою жизнь, однако я не думал, что он обсуж-

дает с мамой работу. Это немного странно.

– Она действительно быстро бегает, но эта девчонка неуравновешенна, – вздыхаю я. – Ее проблем хватило бы на целую бригаду психиатров.

Мама мягко улыбается, как всегда делала в детстве, когда я выходил из себя. Как будто мое раздражение всего лишь милое ребячество.

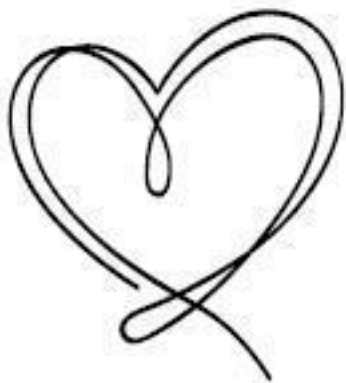
– Уилл, она ведь к вам только пришла, – упрекает она.

«Да, она только пришла – и ее личное дело уже толщиной с кулак из-за докладных».

– Питер тебе говорил, что она натворила в Техасе?

– Да, – отвечает мама, – и я прекрасно помню времена, когда ты и сам не мог шагу ступить, чтобы не оказаться на заднем сиденье полицейской машины. Возможно, тебе не стоит судить о ней слишком строго.

Может быть. Вот только я никогда не пытался кого-то убить.

Глава 7

Оливия

Следующие две недели похожи на повторение первой: я надрываюсь на тренировках, а Уилл ведет себя как полный засранец.

Тренировки два раза в день настолько выматывают, что сны вообще перестали мне сниться. Я выкладываюсь по полной ради этого ублюдка, и то, что я до сих пор его не послала, заслуживает уважения. На самом деле за такое достижение я заслуживаю чего-то покруче – например, новенькую тачку или поездку в Диснейленд.

Эрин теперь не только ест вместе со мной: из данных о нашей команде она выписала номер моего телефона и начала *слать эсэмэс*. Это невероятно раздражает. На первые сообщения я еще отвечала.

Я:

Разумеется, она ответила еще одним эмодзи. Не знаю, почему я вообще до сих пор ее не заблокировала.

Вскоре она стала не единственной, кто пристаёт ко мне за обедом. Сначала к нам присоединилась Николь, за ней – Меган: девушка с таким объемом темных кудрей, что ее голова заслоняет мне половину кафетерия. Затем за нашим столиком появилась светловолосая девушка по имени Ханна: она тише, чем остальные, но все равно *недостаточно* тихая.

Бетси со своей небольшой компанией сидит за отдельным столом. Такое ощущение, что мы две соперничающие группировки, и наверняка Эрин и эти девчонки со мной милы только потому, что я бегаю быстрее Бетси и таким образом смещаю баланс сил в их пользу. Понятное дело, их привлекает не моя обаятельная личность: каждый день я лишь слушаю их болтовню в угрюмом молчании.

Десять процентов разговоров идет о беге. Все остальное – о парнях.

– Завтра на тренировке ты увидишь бегунов из мужской команды, – говорит мне Николь за неделю до начала учебы.

Мне абсолютно плевать на парней из мужской команды – бегуны слишком тощие, на мой вкус. Я скорее предпочитаю телосложение Уилла (однако стоит мне осознать эту мысль, как у меня возникает острое желание промыть мозги хлоркой).

– Ммм, и Эрин сможет увидеть Брэфтона, – поддразнивает Меган.

– Дэн Брофтон, бесспорно, самый сексуальный парень в команде, – сообщает мне Эрин. – Не считая Уилла, конечно. Раздается множество озорных смешков.

– Уилл и так не в счет, он не в команде, – возражает Николь.

– Но вот если бы был... – многозначительно говорит Ханна, что снова вызывает море хихиканья.

Тренеры не могут встречаться со студентами, но даже если бы могли – не представляю, что может привлечь девушку в таком мерзавце, как Уилл... Ладно, на самом деле я вполне могу себе это представить. Однако я *отказываюсь* себе это позволять.

– Вы видели, как на вчерашней тренировке футболка прилипла к его телу? – спрашивает Меган.

– Жалко, что шорты не прилипали, – сквозь хохот отмечает Николь.

Мне вроде как тоже жалко, но я решительно закатываю глаза.

– Я как будто в компании перевозбужденных мальчишек.

– Добро пожаловать в команду, – ухмыляется Эрин.

На следующее утро после тренировки нас уже поджидает

команда парней. Нетрудно понять, кто из них Брофтон, потому что я сразу вижу одного из тех красавцев, которые нравятся абсолютно всем. Темные волосы, загадочный взгляд, легкая ухмылка, как будто он представляет тебя обнаженной. Тем не менее я сохраняю невозмутимый вид, когда он неторопливо подходит ко мне.

– Ты, должно быть, та девчонка из первого дивизиона.

– Вау, да ты экстрасенс, – равнодушно комментирую я.

– Ну хорошо. – Он ухмыляется, ничуть не смущенный моим холодным приемом, что раздражает. – На самом деле мы много о тебе слышали.

– И что именно вы слышали? – спрашиваю я, упираясь руками в бока.

Он проводит рукой по волосам:

– Что из-за тебя Марк Белл угодил в больницу.

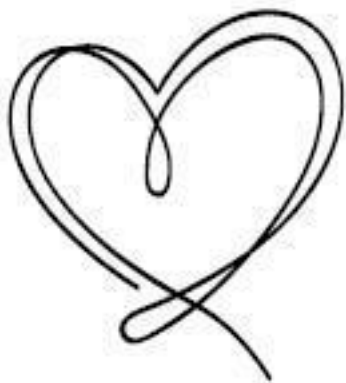
Я беру бутылку с водой и направляюсь в сторону раздевалки.

– Надеюсь, теперь вы все меня боитесь.

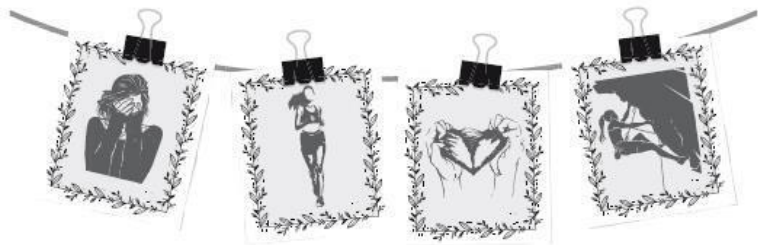
– Ты не выглядишь такой уж страшной, – улыбается он. –

К тому же я знаком с Марком. Он был в моей команде по бегу в старших классах, и я отлично знаю, что он подонок мирового уровня. Так что, скорее всего, он получил по заслугам.

Он определенно получил по заслугам. Но это касается только меня и Марка.

Глава 8

Уилл

Я на южном склоне Денали. Пусть это и не самый трудный подъем, все же склон адски крутой. Парни, взбирающиеся вслед за нами, уже устали, что не предвещает ничего хорошего, поскольку у нас еще как минимум три часа до привала.

– Ты в норме? – спрашиваю одного из них. Его зовут Боб, он из Бофорта – города в Южной Каролине, расположенного ниже уровня моря, и потому для Боба это первое серьезное восхождение. Не уверен, что Денали вообще подходит для первого серьезного восхождения, но наших клиентов выбираю не я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.